

Как во всей общественной жизни, так и в кодификации права важнейшим, определяющим явлением была постоянная, упорная, пронизывающая решительно все *борьба старого с новым*, умирающего с растущим, рабовладельческого мира с зачатками феодализма. При сохранении в VI в. основ рабовладельческого строя и рабовладельческого государства фундаментом воздвигнутого при Юстиниане огромного здания Свода гражданского права не могло быть ничто иное, как старое римское право. Краеугольным камнем всей законодательной деятельности Юстиниана, казалось, был чисто консервативный принцип, декларированный самим императором, — принцип безусловного «уважения к непогрешимой древности». Не только сохранение и восстановление величия Римской империи, но и возрождение гордости римского общества, его прославленной юриспруденции, составило одну из задач царствования Юстиниана. И это не была только пустая декларация, только пропагандистский прием, как полагают некоторые исследователи². Дело обстояло значительно сложнее. Суть состояла в том, что в переходный период от рабовладения к феодализму, когда рабовладельческий строй еще не сдал своих позиций, многие институты римского права были еще живы и вполне приемлемы, иногда в несколько модифицированном виде, для господствующего класса Византийской империи. Сам институт рабовладения и различные формы классового господства рабовладельцев, социальные и сословные перегородки и привилегии, разнообразные формы рабовладельческого государства и его системы управления — все это еще отвечало интересам господствующего класса империи и не только сохранялось, но и всячески укреплялось. Отсюда такое преклонение законодателей перед римским правом. С другой стороны, при значительном сохранении в Византии VI в. крупных городов и развитого ремесла и торговли, при многообразии различных имущественных и торговых сделок, реальная жизнь требовала упорядоченной и строгой регламентации прав частной собственности, на которой зиждилась экономика страны. И здесь римское право являлось источником, из которого можно было черпать полной рукой. Недаром Ф. Энгельс считал, что римское право было совершеннейшей формой права, имеющего своей основой частную собственность³. Таким образом, и эта основа классического и постклассического римского права имела вполне практическое применение в VI в. и не только не могла быть отброшена, но должна была быть укреплена и развита. Вместе с тем жизнь настоятельно требовала внесения серьезных коррективов в существующие нормы римского права. Новые социальные отношения, рождаясь, создавали новые правовые нормы, возникали иные, неведомые раньше формы взаимоотношений классов, сословий, требующие юридического оформления.

Существовали, конечно, и чисто юридические причины, требовавшие проведения кодификации. Прежде всего необходимо было внести ясность в огромное количество часто противоречивых юридических предписаний и узаконений, добиться доступности и четкости права для практического ведения процессов, систематизировать и классифицировать законы для возможности пользования ими. Кроме того, нужно было навести порядок в юридической терминологии, устранив многие устаревшие термины, характеризующие явления и институты, уже исчезнувшие из реальной действительности. Надо было придать многочисленным узаконениям единообразную и современную форму. Это было особенно настоятельно необходимо потому, что римское право в VI в. находилось в хаотическом

² См. В. Рубин. *Das Zeitalter Justinians*, I. Bd. Berlin, 1960, S. 146—168.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. *Соч.*, т. 20, стр. 105.